

Научная статья

УДК 821.161.1 + 82.95

DOI 10.17223/18137083/83/8

**«Особый путь» литературы Сибири?
(Опыт реконструкции историософских
и литературно-критических источников
сибирского областничества)**

Александр Юрьевич Горбенко

Красноярский государственный педагогический университет
имени В. П. Астафьева
Красноярск, Россия

al_gorbenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7610-6659>

Аннотация

Предпринята попытка реконструкции историософских и литературно-критических источников эстетики «старших» областников. Особое внимание уделяется статье Г. Н. Потанина «Роман и рассказ в Сибири». Показано, что важнейшими источниками построений Потанина стали идеи, высказанные в русской литературной критике и историософской мысли первой трети XX в. Потанин относился к литературе метрополии как к конституирующему Другому и декларировал «особость» пути развития литературы Сибири, опираясь при этом на сочинения Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина, П. Я. Чаадаева и – шире – встраиваясь в сформированную в тот период отечественной интеллектуальной истории парадигму.

Ключевые слова

Потанин, Ядринцев, Карамзин, Пушкин, Чаадаев, сибирская литература, областничество, историософия, форсированная модернизация

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), Правительства Красноярского края и Красноярского краевого фонда науки в рамках научного проекта № 20-412-243001

Для цитирования

Горбенко А. Ю. «Особый путь» литературы Сибири? (Опыт реконструкции историософских и литературно-критических источников сибирского областничества) // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 98–111. DOI 10.17223/18137083/83/8

© Горбенко А. Ю., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 98–111

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 2, pp. 98–111

“Special Path” of Siberian literature? (Experience in the reconstruction of historiosophical and literary critical sources of Siberian regionalism)

Alexander Yu. Gorbenko

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev
Krasnoyarsk, Russian Federation

al_gorbenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7610-6659>

Abstract

An attempt is presented to reconstruct the historiosophical and literary-critical sources of Grigory Potanin’s article “A novel and a story in Siberia.” This article is key to the literary criticism of the “senior” regionalists. Consideration is given to two phenomena: 1) the Russian literature of the 19th century, regarded as “incorrect” as it was forced to evolve rapidly due to the lagging in its development (the consequence of the forced modernization of Russia), and 2) Western European literature, regarded “normal” and supplying the Russian literature with forms seen as models. These two phenomena were reproduced several decades later on a more local scale though less consistently: 1) Russian literature, having become “normative” for the Russian reader by the 1870s, and 2) the literature of Siberia lagging in its development compared to Russian literature. The leaders of Siberian regionalism would speak about the “specialness” of Siberia when comparing it both with Russia and Europe, with this “specialness” requiring a special representation. Considering criticism as an institution that “supervises” literature, Potanin, as his associate and friend Yadrintsev, suggested a radical thesis about the absence of literature in Siberia in his article. At the same time, relying on Karamzin’s article “Why are there few author talents in Russia?” and the first “Philosophical Letter” by Chaadaev, Potanin joins the discourse of the “shortage” of literature generated by several Russian critics of the first third of the 19th century. Potanin’s thought follows the paradigm formed in literary criticism and historiosophical discourse of this period.

Keywords

Potanin, Yadrintsev, Pushkin, Karamzin, Chaadaev, Siberian literature, regionalism, historiosophy, belated modernity

Acknowledgments

The research was funded by RFBR, Krasnoyarsk Territory and Krasnoyarsk Regional Fund of Science, project no. 20-412-243001

For citation

Gorbenko A. Yu. “Special Path” of Siberian literature? (Experience in the reconstruction of historiosophical and literary critical sources of Siberian regionalism). *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 2, pp. 98–111. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/83/8

В 1986 г. Г. С. Морсон писал о том, что русская литература классического периода осознавалась и создавалась ее творцами как «неправильная» по сравнению с «нормальными» западноевропейскими литературами, формируясь как антитрадиция по отношению к ним [Morson, 1986]. По его словам, «облик дореволюционной истории русской литературы можно описать как восходящую спираль всё более экстенсивных нарушений “западных” эстетических норм и всё более крайних определений литературы как антилитературы или металитературы» [Ibid., p. 25].

Морсон, пожалуй, отчетливее других историков русской культуры сформулировал мысль о «неправильном» («особенном», форсированном и т. д.) развитии

русской литературы по сравнению с западноевропейскими, хронологически более ранними образцами (делая акцент на писательских авторефлексии и самоописании, а также на закономерно появлявшихся рецептивных «зазорах» между «своим» и усваиваемым «чужим»¹). Однако он не был ни единственным, ни даже первым, кто писал об этом. Два десятилетиями ранее Ю. М. Лотман говорил о том, что «[р]усская литература XVIII в. находилась в состоянии повышенного динамизма», продолжая эту мысль в компаративном ключе: «Если сопоставить его с темпами культурной динамики европейских литератур того же столетия, то скорость ее покажется кинематографической, хотя и литературы Запада в это время переживали бурное развитие» [Лотман, 1997а, с. 157]. Позднее М. Л. Гаспаров начал одну из своих работ тезисом «Русская культура со времен Петра I должна была развиваться ускоренными темпами, нагоняя западную» [Гаспаров, 1997, с. 434]. Вместе с тем именно Морсон наиболее отчетливо высказал идею о «неправильности» русской литературы², о ее стремлении сделаться «антилитературой или металитературой».

Обозначив эту методологическую и концептуальную рамку наших рассуждений, в дальнейшем мы будем исходить из того, что пара явлений 1) запаздывающая в своем развитии, вынужденная развиваться ускоренными темпами (что стало одним из следствий форсированной модернизации, вестернизации России), поэтому «неправильная» русская литература XIX в. (особенно первой его половины), и 2) «нормальные» западноевропейские литературы, поставившие отечественной словесности формы, понимавшиеся как каноны, несколько десятилетий спустя была воспроизведена в более локальном масштабе: 1) русская литература, к 1870-м гг. ставшая во многом «нормативной» для отечественного читателя³ и ориентиром для многих ведущих западноевропейских литераторов, и 2) запаздывающая в своем развитии по отношению к русской литературе литература Сибири.

Принципиально важно, что в обоих случаях такая компаративная перспектива была фактом самосознания отечественных литераторов, размышлявших и об «отсталости» «своей» литературы, и о ее «неправильности». По словам А. Щербенка, отчасти опирающегося на положения Морсона, отчасти же оспаривающего их, «русская литературная традиция не просто предстает как антитрадиция в результате типологического сравнения с западной: она конституируется как таковая с самого начала», «постоянно наруша[я] те жанровые, повествовательные и прочие литературные конвенции, с которыми сама себя соотносит» [Щербенок, 2005, с. 8, 9]⁴.

Сопоставление «своей» литературы с «другой» литературной системой, на фоне которой выявляется собственный дефицит («нормальной» жанровой системы,

---

¹ О последнем см.: [Лотман 1997б].

² Лотман, скажем, делал акцент на том, что «новая русская литература мыслила себя не спутником той или иной <...> литературы, а в качестве европейской <...>» [Лотман, 1997а, с. 158].

³ Ср. слова Потанина о роли «Тургенева, Гончарова, гр. Толстого, Островского, Писемского и т. д.» (ЛНС, т. 7, с. 229). Далее ссылки на эту статью приводятся с указанием страницы в круглых скобках.

⁴ Повторим: на наш взгляд, «сибирский» материал дает все основания рассмотреть соотношение литературы Сибири с канонизирующейся столичной литературой в качестве изоморфных тем, которые, как это убедительно показал Морсон, связывали последнюю с ее западноевропейскими предшественницами.

фикциональной литературы вообще, литературной критики или всех этих слагаемых литературного процесса), и попытки его восполнения, так или иначе связанные с движением по некоторому «особому пути», в обоих случаях были важнейшими элементами языка самоописания и столичных, и сибирских литераторов.

Лидеры сибирского областничества регулярно говорили об «особости» Сибири по сравнению и с Россией, и с Европой⁵. Так, размышляя в письме Н. М. Ядринцеву от 1 августа 1872 г. об устройстве общины, Г. Н. Потанин вопрошал: «Не понимаю, почему мы должны проходить тот же путь с Европой? Почему старый кирпич не может пригодиться в новом здании?.. Я так думаю, что этот кирпич можно рекомендовать вставить в алюминиевый дворец» (Письма..., 1987, с. 120)⁶. Рассуждения об «особенных условиях, в которых живет сибирское общество», диктующих дефицит сибирской литературы, составляют одно из ключевых мест потанинской статьи «Роман и рассказ в Сибири» (далее – *РРС*). А в написанной три десятилетия спустя брошюре «Областническая тенденция в Сибири» (1907) Потанин утверждал, что в силу географических и экономических «обстоятельств сибирское население не могло не чувствовать, что оно живет в стороне от русского мира, на отбросе. В этом чувстве отдаленности от центра и заключалось для простого сибирского обывателя сознание его обособленности» (Потанин, 1907,

с. 10). Тема особости Сибири оказалась центральной и в «Нуждах Сибири». Приведем один из множества имеющихся в ней ярких примеров: «Если физические условия Сибири те же, что в Европейской России, то сибирская культура и сибирское искусство должны создать тождественные произведения с произведениями Европейской России, но если эти внешние влияния другие, то и творческая деятельность сибирского ума и воображения должны пробить особое русло» (Потанин, 1908, с. 262).

Логично, что неустанно декларируемая по самым разным поводам «особость» региона нуждалась, по мнению Потанина и Ядринцева, в специфической, «нормативной» репрезентации⁷.

В 1876 г. в газете «Сибирь» вышла программная статья Потанина *РРС*. В этой статье, оказавшейся главным манифестом вообще слабо систематизированных литературно-критических воззрений «старших» областников, Потанин предложил читателю анахронистический историко-литературный нарратив, игнорирующий весь предыдущий «сибирский» беллетристический опыт: «Зная состав сибирского общества, можно было предвидеть, что на сибирской почве может обильно развиться тот род беллетристики, который посвящен описанию народного быта; но так как этот род в европейской России возник только в недавнее время, то понят-

---

⁵ Насколько нам известно, областники не использовали словосочетания «особый путь». В этом смысле перед нами ситуация, идентичная той, что сложилась в рамках важнейшей для истории дискурса «особого пути» в России полемики 1836 г. (к которой мы обратимся ниже), когда «[с]амо словосочетание “особый путь” участниками дискуссии не употреблялось, однако концепция “особого пути” или метафорика “пути” в дебатах явно присутствовала» [Атнашев, Велижев, 2018, с. 15].

⁶ Ср., однако, гораздо более позднее утверждение Потанина: «Так как в жизни искусства Россия пошла по пути Европы, то и артистическая жизнь Сибири построится, вероятно, по европейскому типу» (Потанин, 1908, с. 292).

⁷ Эта тема достаточно подробно исследована в сибиреведении. См. прежде всего: [Чмыхало, 1992; Анисимов, 2005].

но, почему и Сибирь до последнего времени не принимала никакого участия в создании русской беллетристики» (с. 220).

Необходимо сделать отступление и вспомнить, что взгляды Потанина на феномен фикциональной литературы вообще и сибирской литературы в частности, в конструировании которого он принял участие и как критик, и как литератор, существенно менялись со временем. В «Воспоминаниях» Потанин свидетельствовал о своих мечтах «сделаться сибирским романистом» (ЛНС, т. 6, с. 186), пришедшихся на время учебы будущего литератора в Сибирском кадетском корпусе. Затем, в начале 1860-х гг. Потанин уже презрительно отзывался о «беллетристике» как о «бесплодном труде», «груде потраченной бумаги» и «усыпляющем средстве» [Серебренников, 2007, с. 90]. Десятилетием позднее он дошел до взгляда на фикциональную словесность как на «действенную форму сибирского самосознания, способную организовать “патриотов”, прежде всего местную интеллигенцию» [Чмыхало, 1992, с. 144, 147].

«Старшие» областники исходили из отношения к критике как к институту, «курирующему» литературу. Эта функция критики, которую А. В. Вдовин называет «моделированием литературного развития» [2011, с. 12], в отечественной традиции вышла на первый план в 1830–1860-е гг. Русские авторы усвоили такое понимание центральной задачи литературно-критического дискурса из работ немецких романтиков 1800-х гг. [Там же, с. 10]. В этом смысле сибирские областники с характерным запаздыванием «подхватили» способ работы своих старших столичных коллег, соединяя его с более хронологически близким методом «реальной критики»⁸.

В поздние годы лидер «сибирских патриотов» вернулся к пессимистическому взгляду на вопрос о сибирской литературе, в 1910 г. вновь диагностировав отсутствие в Сибири литературы (Потанин, Васильева, 2004, с. 281–282).

Радикальный тезис об отсутствии в Сибири литературы разделял с Потаниным Ядринцев. Ограничимся одним примером – из статьи «Спящая красавица» (1882), начинающейся с утверждения «Искусство, художество, как и поэзия, не есть еще достояние нашего Востока, оно еще не создано здесь <...> ему некогда было создаться» (ЛНС, т. 5, с. 70). Причиной такого положения дел, по мнению публициста, является абсентеизм: «Художество, как и наука, поэзия, музыка и образование, абсентеируются и вывозятся из Сибири» (ЛНС, т. 5, с. 70).

Вернемся к *РРС*. Показательно, что редакция «Сибири» сочла необходимым «сделать оговорку» («Автор, очевидно, относит начало беллетристики в Сибири к нашему времени. Но это ошибка»), приводя ряд примеров, призванных обосновать ошибочность построений Потанина (с. 219). Очевидно, что взгляды Потанина и редакции «Сибири» на критерии «сибирской беллетристики» различались. Однако статья Потанина была уязвимой для критики и в силу других содержащихся в ней системных противоречий. В начале статьи автор объясняет свое обращение к произведениям, часть которых «появил[а]сь уж лет пять тому назад», тем, что «должно высказаться об этих первых опытах сибирских беллетристов» (с. 219–220). Но уже в середине статьи он отказывается романам Кушневского и Омуревского в статусе «первых опытов сибирских беллетристов» (с. 228). В другом месте статьи Потанин помещает в пределах одного абзаца два разных тезиса: о «бедности» литературы Сибири и о ее отсутствии (с. 220). Но эта непоследовательность не может быть объяснена, скажем, небрежностью автора, и нуждается во внима-

---

⁸ О близости Потанину подхода «реальной критики» см.: [Чмыхало, 1992, с. 152].

тельном анализе. Такой анализ дает возможность увидеть механизмы конструирования региональной литературной традиции, уточнить, как именно областники, поставив перед собой задачу сегрегировать литературное субполе Сибири внутри общенационального поля литературы, пробовали сконструировать фигуры писателя и читателя, которые отвечали бы ряду требований. Писатель должен был предложить читателю «нормативную», адекватную сибирскому материалу его репрезентацию, решающую набор идеологических задач. Читатель же, «правильно» восприняв такого рода фикциональный текст, должен был изменить свою жизнь, подчинив ее «нуждам Сибири».

Статья Потанина имеет несколько важнейших источников в отечественной литературной критике и историософском дискурсе, на которые прежде не обращалось внимания и которые мы постараемся реконструировать.

Доказывая, что действие романа Кушевского происходит в Сибири, Потанин поясняет смещение фокуса своего внимания в сторону от вопросов поэтики и эстетики так: «Это маленькое судебное следствие <...> нам было нужно в интересах нашей задачи, – рассмотреть вопрос, отчего нет беллетристов в Сибири» (с. 227). Слова «отчего нет беллетристов в Сибири», перекликающиеся с цитированным началом *PPC*, почти дословно повторяют название статьи Н. М. Карамзина «Отчего в России мало авторских талантов?» (1802). Карамзин, напомним, диагностировал дефицит отечественных «авторских талантов», сопоставляя русскую словесность с европейскими литературами: «У нас, конечно, менее авторских талантов, нежели у других европейских народов, но мы имели, имеем их, и следовательно природа не осудила нас удивляться им только в чужих землях» (Карамзин, 1964, с. 184).

Ответ на вынесенный в заглавие статьи вопрос, по мнению Карамзина, следует искать «[н]е в климате, а в обстоятельствах гражданской жизни россиян <...>» (Карамзин, 1964, с. 184). Идентичный ответ дает и Потанин, согласно которому причина отсталости литературы Сибири крылась в «особом строении сибирского общества», где не было дворянства, роль которого быть «движущей силой в умственном отношении» играло чиновничество. При этом «только часть его, и то, собственно, мелкое чиновничество, не отличающееся высоким образованием, вполне принадлежало местному населению по своему происхождению; остальная часть была слишком удобоподвижна и так слабо привязана к краю, что не могла в отношении его играть ту же роль, какую играло в провинциях европейской России прочно привязанное к своим усадьбам дворянство» (с. 220)⁹. По мнению Потанина, «[п]ока в европейской России беллетристика не захватывала низших слоев общества и описывала только жизнь “дворянских гнезд”, – трудно было ожидать появления беллетристики в Сибири» (с. 220).

Кроме того, выявляемый обоими критиками дефицит обнаруживается на фоне имеющих более длительную историю и более развитых на текущий момент литературных систем: Карамзин сравнивает русскую литературу с европейской, Потанин же выбирает в качестве камертона для сибирской беллетристики столичную словесность.

В нашем распоряжении нет прямых доказательств того, что Потанин читал карамзинскую статью, однако ее внимательное сопоставление с *PPC* оставляет мало сомнений на этот счет. Кроме того, Потанин вообще был хорошо знаком с насле-

---

⁹ Это тем более показательно, если учесть, что вообще Потанин «подчерк[ивал] исключительное значение климата» Сибири [Анисимов, 2009, с. 112].

дием Карамзина. В «Воспоминаниях» он писал о том, что уже во время пришедшей на 1840-е гг. учебы в кадетском корпусе читал «Историю государства Российского». «У Карамзина меня особенно интересовали примечания. Я их перечитывал по нескольку раз и делал из них длинные выписки». Более того, именно с работой над карамзинскими примечаниями Потанин связывал обнаружение у себя «больш[ой] склонност[и] к кропотливой работе, роющейся в мелочах» (ЛНС, т. 6, с. 41).

В более широкой перспективе статья Потанина встраивается в парадигму, сформированную крупнейшими русскими литературными критиками и философами первой трети XIX в. Речь идет о литературно-критическом дискурсе, который можно назвать дискурсом дефицита. Его стержневым элементом стали варьировавшиеся на разные лады утверждения о неразвитости (недостаточной развитости) русской литературы, ее «ничтожестве» или полном отсутствии. Помимо Карамзина на эту тему рассуждали В. А. Жуковский¹⁰, Н. И. Гнедич¹¹, А. С. Пушкин, А. А. Бестужев¹², И. В. Киреевский¹³, В. Г. Белинский¹⁴ и др.¹⁵

Пушкин в 1824 г. утверждал: «У нас еще нет ни словесности, ни книг, все наши знания, все наши понятия с младенчества почерпнули мы в книгах иностранных, мы привыкли мыслить на чужом языке; просвещение века требует важных предметов размышления для пищи умов, которые уже не могут довольствоваться блестящими играми воображения и гармонии, но ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись – метафизического языка у нас вовсе не существует; проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены *создавать* [здесь и далее курсив принадлежит цитируемым авторам. – А. Г.] обороты слов для изъяснения понятий самых обыкновенных <...>» (Пушкин, т. 7, с. 14).

К этой пушкинской оценке очень близок один из тезисов Потанина – с той разницей, что место «книг иностранных» у него занимает литература метрополии. «Потребность в чтении в Сибири, – утверждал областник, – удовлетворялась произведениями Тургенева, Гончарова, гр. Толстого, Островского, Писемского и т. д.

---

¹⁰ «Критика – но, государи мои, какую пользу может приносить в России критика? Что прикажете критиковать? <...> Критика и роскошь – дочери богатства; а мы еще не Крезы в литературе!» («Письмо из уезда к издателю», 1808) (Жуковский, 2012, с. 178).

¹¹ Размышляя о причинах «малых успехов нашей словесности», Гнедич задавался вопросом, «отчего при таком множестве книг мы так мало видим хороших сочинений, даже хороших переводов, даже выборов для них хороших?» («Рассуждение о причинах, замедляющих успехи нашей словесности», 1814) (Критика..., 2002, с. 193).

¹² Напомним, что в 1825 г. Бестужев заявлял: «...у нас есть критика и нет литературы, мы пресытились, не вкушая, мы в ребячестве стали брюзгливыми стариками!» (Бестужев, 1991, с. 117). Одна из причин такого положения дел, по мнению критика, состояла в том, что «мы воспитаны иноземцами. Мы всосали с молоком безнародность и удивление только к чужому» (Бестужев, 1991, с. 117). На это ему возражал А. С. Пушкин, вопрошавший в частном письме: «Где же ты это нашел? именно критики у нас и недостает» (Пушкин, т. 10, с. 114).

¹³ «Наша литература – ребенок, который только начинает чисто выговаривать» («Обозрение русской словесности 1829 года», 1830) (Киреевский, 1984, с. 80).

¹⁴ Морсон заметил, что тезис «У нас нет литературы» стал рефреном дебютной статьи Белинского «Литературные мечтания» (1834) [Morson, 1986, p. 22].

¹⁵ Эта тема полностью не ушла с критической повестки и в последующие десятилетия XIX в. См., например, статью М. А. Антоновича «Причины неудовлетворительного состояния нашей литературы» (1878).

Этих же авторов читала и та часть сибирского общества, которая состояла из местных уроженцев: других писателей и другого чтения у них не было» (с. 229). Это рассуждение уязвимо с точки зрения истории и социологии литературы – хорошо известно, что сибирские читатели получили возможность знакомиться с сочинениями своих земляков задолго до появления статьи Потанина. Более того, эти произведения вышли за пределы Сибири, читались представителями литературного центра и становились объектами их критики.

Литературно-критический дискурс «ущербности» русской литературы коррелировал с более масштабным дискурсом «отсталости» России и связанной с последним идеей ее «особого пути». Можно предположить поэтому, что утверждение «Сибирь до последнего времени не принимала никакого участия в создании русской беллетристики» восходит к первому «Философическому письму» П. Я. Чаадаева. Разумеется, суждения Чаадаева носили более универсалистский характер, нежели тезисы Потанина, однако их соотношение вполне укладывается в обозначенную схему: Западная Европа – Россия / Россия – Сибирь.

Потанин писал о том, что «сибирские интересы еще мало затронуты; мы не знаем собственных наших потребностей; мы не знаем, за что приняться, если внутренний голос и зовет нас на доброе дело. Хорошие, честные личности, появляющиеся в нашей среде, не умеют еще полнее жить местной жизнью, местными умственными интересами. Прибавьте к этому, что мы воспитываемся всегда вдали от своей родины, и делается понятно, что мы являемся дома отголосками чужого голоса, утратив свою оригинальность и самостоятельность» (с. 226). Здесь бросается в глаза целый набор «чаадаевских» мотивов. Ср.: «Взгляните вокруг. Разве что-нибудь стоит прочно? <...> Ни у кого нет определенной сферы деятельности, нет хороших привычек, ни для чего нет правил, нет даже и домашнего очага, ничего такого, что привязывает, что пробуждает ваши симпатии, вашу любовь; ничего устойчивого, ничего постоянного; все течет, все исчезает, не оставляя следов ни во-вне, ни в вас. В домах наших мы как будто определены на постой; в семьях мы имеем вид чужестранцев; в городах мы похожи на кочевников, мы хуже кочевников, пасущих стада в наших степях, ибо те более привязаны к своим пустыням, нежели мы к нашим городам» (Чаадаев, 1991, т. 1, с. 323–324).

Кроме этих системно значимых совпадений на уровне идей, оформленных подчас в почти идентичных словесных конструкциях, догадка о «чаадаевском» подтексте статьи Потанина имеет прочную источниковедческую опору. Известно, что автор *PPC* был хорошо знаком с «Философическими письмами» – менее чем за год до публикации своей статьи Потанин высоко отзывался о предложенных в них «обобщениях» (Письма..., 1988, с. 154). Кроме того, имя Чаадаева прямо, хотя и по второстепенному поводу, упоминается в *PPC*.

Наконец, необходимо учесть, что Чаадаев в своих «письмах» активно опирался на западноевропейский интеллектуальный контекст. Как показал М. Б. Велижев, ключевые идеи первого «Философического письма», используемую в нем «систему аргументации», а также «целые языковые конструкции» Чаадаев почерпнул в созданных в первой четверти XIX столетия сочинениях французских католических философов-традиционалистов и немецких философов первой половины XIX в. [Велижев, 2015, с. 72 и сл.].

В таком случае картина становится более многомерной и вместе с тем обретает еще больший изоморфизм. Лидер сибирских «патриотов» Потанин говорит об «особости» сибирского материала, требующего особой же репрезентации. В свои рассуждения об этом он имплицитно, среди прочего, конструкции Чаадаева, ко-

торый, говоря о «выпадении» России из западноевропейского пути исторического развития, опирался на сложившуюся в западноевропейской мысли традицию.

Подчеркнем, что Потанин не просто эксплуатирует отдельные элементы литературной критики и историософской рефлексии первой трети XIX в.; его мысль движется в русле парадигмы, сформированной именно в эти десятилетия. При этом в сочинениях лидера сибирского областничества сохраняется парадоксальность, свойственная русской общественной мысли того периода, когда были созданы историософские источники его статьи. Вспомним, что в основе дискурса «особого пути» России, как это было показано целым рядом историков идей, лежала немецкая концепция «Sonderweg».

Реконструкция источников *PPC* позволяет увидеть нетривиальный эффект, порождаемый этой статьей и демонстрирующий невыполнимость потанинской программы «культурного сепаратизма», невозможность создать литературу Сибири, в сущности, *ex nihilo*, отвергая одновременно и средства литературы центра, и ресурсы региональной словесности. Автор декларирует «особость» пути развития литературы Сибири и отношение к литературе метрополии как к «конституирующему Другому» (И. Нойманн), но делает он это с помощью средств, заимствованных из общероссийского дискурсивного репертуара¹⁶.

Как отмечает М. Л. Майофис и А. Р. Курилкин, «[в] центре литературно-критических дискуссий на протяжении всей первой четверти XIX в. была одна проблема – строительство национальной литературы. Отсюда вытекали болезненные вопросы о “народности” в литературе и средствах передачи национального колорита, о выборе литературных ориентиров в европейской культуре и их соотносительности с российской поэтической традицией» (Критика..., 2002, с. 22). Рассуждения «старших» областников воспроизводят (конечно, менее отчетливо и систематически) эту парадигму. Качество литературы, которое можно определить как «сибирскость» (хотя сами сибирские интеллектуалы этим понятием не оперировали) – то, что должно было сделать литературу Сибири областнической, – выступило в их сочинениях структурным и функциональным аналогом «народности». Вместе с тем эта «сибирскость» всё же была более определенным и менее эссенциалистским понятием, нежели «народность» – категория, доминировавшая в русской литературной критике «в разных значениях на протяжении пятидесяти лет – в 1820–1860-е гг.» [Вдовин, 2011, с. 16]. Как показал К. В. Анисимов, поначалу «[к]лючевым критерием *областнической* литературы становится <...> патриотизм», однако вскоре, осознав, что его легко имитировать, Потанин и Ядринцев постарались «абстрактную идеологию <...> наполнить конкретным содержанием, например, превратить в показательный *сюжет*» [Анисимов, 2005, с. 173, 174], основанный на мотиве возвращения интеллектуала-сибиряка на родину с тем, чтобы принести ей пользу¹⁷.

Зачастую отмеченные выше рассуждения Потанина и Ядринцева об «особости» Сибири были связаны с их анализом колониального положения Сибири. А. В. Ремнев писал, что «народнический дискурс, в рамках которого областники действовали и размышляли, включал идею отсталости России как своего рода

---

¹⁶ Анисимов отмечал, что областники, стигматизировав «многолетн[ую] традици[ю] произведени[й], которые только бы “били” “на эффекты” местной жизни и “нимало” не задевали “горькой действительности”», встали перед ключевым вопросом: «Тогда из какой же “плоти” создавать местную литературу?» [Анисимов, 2005, с. 179]. Ответом на него и стал отмеченный эффект.

¹⁷ Подробнее об этом «биографическом сюжете» см.: [Там же, с. 176–197].

преимущества перед дряхлеющим Западом», а «[к]ультурное развитие благодаря естественным богатствам и простору может <...> в Сибири <...> явиться пышнее и богаче», нежели в метрополии Российской империи [Ремнев, 2013, с. 241]. В этом смысле лидеры сибирского областничества, исходившие из того, что «неправильность» развития и временная «отсталость» Сибири могут стать существенным ресурсом для ее будущего, снова воспроизводили сформировавшуюся в русской культуре к концу 1830-х – началу 1840-х гг. модель, согласно которой «главное преимущество России состояло в ее отсталости», а носители этой логики (в частности Чаадаев) «предсказали своей стране трансформационный прорыв, который однажды поможет ей возглавить всемирное содружество держав» [Зорин, 2018, с. 45].

Как известно, выстраивание историко-литературной генеалогии зачастую мотивировано идеологически и легко обретает черты (авто)мифотворчества. Это правило работает и в данном случае. Перед нами механизм, любопытным образом связанный с разнообразными сценариями «изобретения традиций», которые, как показал Э. Хобсбаум, наводнили Европу в период между 1870 и 1914 гг. [Hobsbawm, 1983]. Исходя из сибирефильской установки Потанин элиминирует реально существовавшие литературные факты и тем самым изобретает скорее не традицию, а ее отсутствие – в этом отношении жест критика коррелирует с практикой его столичных предшественников, заявлявших об отсутствии русской литературы.

Характеризуя литературное самосознание Потанина и Ядринцева, К. В. Анисимов справедливо отмечал, что «[к]лючевым деятелям областнического движения было свойственно ощущение, что сибирская словесность начинается непосредственно с них <...>» [Анисимов, 2005, с. 176]. Вместе с тем решение Потанина «задержать» «начало беллетристики в Сибири» нуждается в дополнительном объяснении. Безусловно, этот ход понадобился Потанину и для решения более общей задачи – масштабирования идеологического значения сибирского областничества, деятели которого стремились к формированию культурно-социальной среды Сибири. Одним из ключевых средств решения этой задачи для Потанина, наряду с публицистикой и научным дискурсом, была именно фикциональная литература¹⁸.

В этом смысле статья Потанина коррелирует с первым «Философическим письмом» Чаадаева не только на уровне семантики, но и в том, что касается прагматики. По словам М. Б. Велижева, «за содержательной полемикой по вопросам историософии», спровоцированной скандальным чаадаевским сочинением, «скрывается чисто политическая проблематика, связанная с интерпретацией вопроса, кому надлежит вести Россию к “светлому будущему”» [Велижев, 2018, с. 108]. Сходной прагматикой была наделена и статья Потанина, с той оговоркой, что он и его единомышленники решали вопрос о том, «кому надлежит вести к “светлому будущему”» Сибирь.

---

¹⁸ См.: [Чмыхало, 1992; Анисимов, 2005]. По справедливому замечанию Чмыхало, во взглядах Потанина начала XX в. «первостепенную важность приобрел момент саморазвития “сибирской литературы”, ее особых исторических путей и особой миссии. <...> на нее возлагались надежды на идеологическое обеспечение все более политизирующегося областнического движения» [Чмыхало, 1992, с. 164].

Список литературы

Анисимов К. В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX века: особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск: Изд-во ТГУ, 2005. 304 с.

Анисимов К. В. Климат как «закопченный сепаратист». Символические и политические метаморфозы сибирского мороза // НЛЮ. 2009. № 99. С. 98–114.

Атнашев Т., Велижев М. «Особый путь»: от идеологии к методу // «Особый путь»: от идеологии к методу / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев, А. Зорин. М.: НЛЮ, 2018. С. 9–35.

Вдовин А. В. Концепт «глава литературы» в русской критике 1830–1860-х годов. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2011. 238 с.

Велижев М. Язык и контекст в русской интеллектуальной истории: первое «философическое письмо» Чаадаева // НЛЮ. 2015. № 135. С. 71–87.

Велижев М. «Особый путь» развития России в 1830-е годы: Sonderweg, государство и образованное общество // «Особый путь»: от идеологии к методу / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев, А. Зорин. М.: НЛЮ, 2018. С. 106–140.

Гаспаров М. Л. Антиномичность поэтики русского модернизма // Гаспаров М. Л. Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 1997. Т. 2: О стихах. С. 434–455.

Зорин А. «Особый путь России» – идея трансформационного прорыва в русской культуре // «Особый путь»: от идеологии к методу / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев, А. Зорин. М.: НЛЮ, 2018. С. 36–51.

Лотман Ю. М. Литература в контексте русской культуры XVIII века // Лотман Ю. М. О русской литературе. СПб.: Искусство-СПБ, 1997а. С. 118–167.

Лотман Ю. М. «Езда в остров любви» Тредиаковского и функция переводной литературы в русской культуре первой половины XVIII века // Лотман Ю. М. О русской литературе. СПб.: Искусство-СПБ, 1997б. С. 168–175.

Ремнев А. В. «Короткий» XIX век Сибири: сибирское время и пространство // Изобретение века. Проблемы и модели времени в России и Европе XIX столетия / Под ред. Е. Вишленковой, Д. Сдвижкова. М.: НЛЮ, 2013. С. 229–250.

Серебрянников Н. В. О ситуации в областниковедении // Сибирский текст в русской культуре: Сб. ст. / Под ред. А. П. Казаркина, Н. В. Серебрянникова. Томск: Изд-во ТГУ, 2007. Вып. 2. С. 86–94.

Чмыхало Б. А. Молодая Сибирь: регионализм в истории русской литературы. Красноярск: Изд-во КГПИ, 1992. 200 с.

Щербенок А. Деконструкция и русская классическая литература: от риторики текста к риторике истории. М.: НЛЮ, 2005. 232 с.

Hobsbawm E. Mass-Producing Traditions: Europe, 1870–1914 // The Invention of Tradition / Ed. by E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge Uni. Press, 1983. P. 263–307.

Morson G. S. Introduction: Literary History and the Russian Experience // Literature and History: Theoretical Problems and Russian Case Studies / Ed. by G. S. Morson. Stanford, California: Stanford Uni. Press, 1986. P. 1–30.

Список источников

Бестужев А. А. Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов // Декабристы: эстетика и критика / Сост., вступ. ст. и коммент. Р. Г. Назарьяна, Л. Г. Фризмана. М.: Искусство, 1991. С. 116–127.

Жуковский В. А. Письмо из уезда к издателю // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М.: ЯСК, 2012. Т. 12. С. 176–185.

Карамзин Н. М. Отчего в России мало авторских талантов? // Карамзин Н. М. Избр. соч.: В 2 т. М.; Л.: Худож. лит., 1964. Т. 2. С. 183–188.

Киреевский И. В. Обзорение русской литературы за 1831 год // Киреевский И. В. Избранные статьи / Сост., вступ. ст. и коммент. В. Котельникова. М.: Современник, 1984. С. 80–92.

Критика первой четверти XIX века / Сост., вступ. ст., преамбулы и примеч. М. Л. Майофис, А. Р. Курилкина. М.: Олимп; АСТ, 2002. 520 с.

ЛНС – Литературное наследство Сибири: В 8 т. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1969–1988.

Письма Г. Н. Потанина / Сост. А. Г. Грумм-Гржимайло, С. Ф. Коваль, Я. Р. Кошелев, Н. Н. Яновский. 2-е изд., перераб., доп. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1987. Т. 1. 280 с.

Письма Г. Н. Потанина / Сост. А. Г. Грумм-Гржимайло, С. Ф. Коваль, Я. Р. Кошелев, Н. Н. Яновский. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1988. Т. 2. 344 с.

Потанин Г. Н. Областная тенденция в Сибири. Томск: Паров. типолитограф. Сиб. Тов-ва Печатн. дела, 1907. 64 с.

Потанин Г. Н. Нужды Сибири // Сибири, ее современное состояние и нужды: Сб. ст. / Под ред. И. С. Мельника. СПб.: Изд. А. Ф. Девриена, 1908. С. 260–294.

Потанин Г. Н., Васильева М. Г. «Мне хочется служить Вам, одеть Вас своей любовью»: Переписка / Сост. Н. В. Васенькин, Г. И. Колосова. Томск: Изд-во ТГУ, 2004. 418 с.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 4-е изд. Л.: Наука, 1977–1979.

Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч. и избранные письма: В 2 т. М.: Наука, 1991.

References

Anisimov K. V. *Problemy poetiki literatury Sibiri 19 – nachala 20 veka: Osobenno-sti stanovleniya i razvitiya regional'noy literaturnoy traditsii* [Problems of the poetics of the literature of Siberia of the 19th – early 20th centuries: Features of the formation and development of the regional literary tradition]. Tomsk, TSU Publ., 2005, 304 p.

Anisimov K. V. *Klimat kak “zakosnelyy separatist”*. Simvolicheskie i politicheskie metamorfozy sibirskogo moroza [The climate is like a “stubborn separatist”. Symbolic and political metamorphoses of the Siberian frost]. *New Literary Observer*. 2009, no. 99, pp. 98–114.

Atnashev T., Velizhev M. “Osoby put’”: ot ideologii k metodu [The “Special path”: from ideology to method]. In: “*Osoby put’*”: ot ideologii k metodu [The “Special path”: from ideology to method]. T. Atnashev, M. Velizhev, and A. Zorin (Comps.). Moscow, NLO, 2018, pp. 9–35.

Chmyhalo B. A. *Molodaya Sibir’: Regionalizm v istorii russkoy literatury* [Young Siberia: Regionalism in the history of Russian literature]. Krasnoyarsk, KGPI, 1992, 200 p.

Gasparov M. L. Antinomichnost’ poetiki russkogo modernizma [Antinomy of the poetics of Russian modernism]. In: Gasparov M. L. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow, LRC Publishing House, 1997, vol. II. O stikhakh [About poetry]. pp. 434–455.

Hobsbawm E. Mass-Producing Traditions: Europe, 1870–1914. In: *The Invention of Tradition*. E. Hobsbawm, T. Ranger (Eds.). Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1983, pp. 263–307.

Lotman Yu. M. “Ezda v ostrov lyubvi” Trediakovskogo i funktsiya perevodnoy literatury v russkoy kul'ture pervoy poloviny 18 veka [“Riding to the island of love” by Trediakovsky and the function of translated literature in Russian culture in the first half of the 18th century]. In: Lotman Yu. M. *O russkoy literature* [About Russian literature]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB, 1997a, pp. 168–175.

Lotman Yu. M. Literatura v kontekste russkoy kul'tury 18 veka [Literature in the context of Russian culture of the 18th century]. In: Lotman Yu. M. *O russkoy literature* [About Russian literature]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB, 1997b, pp. 118–167.

Morson G. S. Introduction: Literary History and the Russian Experience. In: *Literature and History: Theoretical Problems and Russian Case Studies*. G. S. Morson (Ed.). Stanford, California, Stanford Univ. Press, 1986, pp. 1–30.

Remnev A. V. “Korotkiy” 19 vek Sibiri: sibirskoe vremya i prostranstvo [The “Short” 19th century of Siberia: Siberian time and space]. In: *Izobretenie veka. Problemy i modeli vremeni v Rossii i Evrope 19 stoletiya* [Invention of the century. Problems and models of time in Russia and Europe in the 19th century]. E. Vishlenkova, D. Sdvizhkov (Eds.). Moscow, NLO, 2013, pp. 229–250.

Shcherbenok A. *Dekonstruktziya i russkaya klassicheskaya literatura: ot ritoriki teksta k ritorike istorii* [Deconstruction and Russian classical literature]. Moscow, NLO, 2005, 232 p.

Serebrennikov N. V. O situatsii v oblastnikovedenii [On the situation in regional studies]. In: *Sibirskiy tekst v russkoy kul'ture: Sb. st.* [The Siberian text in Russian culture: Coll. art.]. A. P. Kazarkin, N. V. Serebrennikov (Eds.). Tomsk, TSU Publ., pp. 86–94.

Vdovin A. V. *Kontsept “glava literatury” v russkoy kritike 1830–1860-kh godov* [Concept “the head of literature” in Russian criticism of 1830–1860s]. Tartu, Tartu Ülikooli Kirjastus, 2011, 238 p.

Velizhev M. “Osobyi put’” razvitiya Rossii v 1830-e gody: Sonderweg, gosudarstvo i obrazovannoe obshchestvo [Russia’s “Special path” in the 1830s: Sonderweg, the state, and educated society]. In: *“Osobyi put’”: ot ideologii k metodu* [The “Special Path”: from Ideology to Method]. T. Atnashev, M. Velizhev, and A. Zorin (Comps.). Moscow, NLO, 2018, pp. 106–140.

Velizhev M. Yazyk i kontekst v russkoy intellektual'noy istorii: pervoe “filosoficheskoe pis'mo” Chaadaeva [Language and context in Russian intellectual history: the first “philosophical letter” of Chaadayev]. *New Literary Observer*. 2015, no. 135, pp. 71–87.

Zorin A. “Osobyi put’ Rossii” – ideya transformatsionnogo proryva v russkoy kul'ture [“Russia’s Special Path” – the idea of a transformational breakthrough in Russian culture]. In: *“Osobyi put’”: ot ideologii k metodu* [The “Special Path”: from Ideology to Method]. T. Atnashev, M. Velizhev, and A. Zorin (Comps.). Moscow, NLO, 2018, pp. 36–51.

List of sources

Bestuzhev A. A. Vzgl'yad na russkuyu slovesnost' v techenie 1824 i nachale 1825 godov [A look at Russian literature during 1824 and early 1825]. In: *Dekabristy: estetika i kritika* [Decembrists: aesthetics and criticism]. R. G. Nazaryan, L. G. Frizman (Comp., intr. art., comm.). Moscow, Iskusstvo, 1991, pp. 116–127.

Chaadaev P. Ya. *Poln. sobr. soch. i izbrannye pis'ma: V 2 t.* [Complete works and selected letters: In 2 vols.]. Moscow, Nauka, 1991.

Karamzin N. M. Otchego v Rossii malo avtorskikh talantov? [Why are there few author talents in Russia?]. In: Karamzin N. M. *Izbr. soch.: V 2 t.* [Selected works: In 2 vols.]. Moscow, Leningrad, Khudozh. lit., 1964, vol. 2, pp. 183–188.

Kireevskiy I. V. Obozrenie russkoy literatury za 1831 god [A review of Russian literature over 1831]. In: Kireevskiy I. V. *Izbrannye stat'i* [Selected articles]. V. Kotel'nikov (Comp., intr. art., comm.). Moscow, Sovremennik, 1984, pp. 80–92.

Kritika pervoy chetverti 19 veka [Criticism of the first quarter of the 19th century]. M. L. Mayofis, A. R. Kurilkin (Comp., intr. art., pref. and footnotes). Moscow, Olimp, AST, 2002, 520 p.

Literaturnoe nasledstvo Sibiri: V 8 t. [Literary heritage of Siberia: In 8 vols.]. Novosibirsk, Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izd., 1969–1988.

Pis'ma G. N. Potanina [Letters of G. N. Potanin]. A. G. Grumm-Grzhimaylo, S. F. Koval', Ya. R. Koshelev, N. N. Yanovskiy (Comps.). 2nd edition, revised, extended. Irkutsk, ISU Publ., 1987, vol. 1, 280 p.

Pis'ma G. N. Potanina [Letters of G. N. Potanin]. A. G. Grumm-Grzhimaylo, S. F. Koval', Ya. R. Koshelev, N. N. Yanovskiy (Comps.). Irkutsk, ISU Publ., 1987, vol. 344 p.

Potanin G. N. Nuzhdy Sibiri [Needs of Siberia]. In: *Sibir', ee sovremennoe sostoyanie i nuzhdy: Sb. st.* [Siberia, its current state and needs: collection of works]. I. S. Mel'nik (Ed.). St. Petersburg, Publ. House of A. F. Devrien, 1908, pp. 260–294.

Potanin G. N. *Oblastnicheskaya tendentsiya v Sibiri* [Regional trend in Siberia]. Tomsk, Parov. tipo-litogr. Sibirskogo T-va Pechatn. Dela, 1907, 64 p.

Potanin G. N., Vasil'eva M. G. "Mne khochetsya sluzhit' Vam, odet' Vas svoey lyubov'yu": *Perepiska* ["I want to serve you, dress you with my love": Correspondence]. N. V. Vasen'kin, G. I. Kolosova (Comps.). Tomsk, TSU Publ., 2004, 418 p.

Pushkin A. S. *Poln. sobr. soch.: V 10 t.* [Complete works: In 10 vols.]. 4th ed. Leningrad, Nauka, 1977–1979.

Zhukovskiy V. A. Pis'mo iz uезда k izdatelyu [A letter to the editor from the county]. In: Zhukovskiy V. A. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t.* [Complete works and letters: In 20 vols.]. Moscow, LRC Publishing House, 2012, pp. 176–185.

Информация об авторе

Александр Юрьевич Горбенко, кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы и методики ее преподавания Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева (Красноярск, Россия)

Information about the author

Alexander Yu. Gorbenko, Candidate of Philology, Docent at the Department of World Literature and Methods of its Teaching of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 05.06.2022;

одобрена после рецензирования 06.08.2022; принята к публикации 06.08.2022

The article was submitted on 05.06.2022;

approved after reviewing on 06.08.2022; accepted for publication on 06.08.2022

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 2
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 2